

18. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 2009. – 122 с.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981. – 815 с.
20. Rescher N. Handlungsaspekte // Analytische Handlungstheorie. – Frankfurt / M.: Suhrkamp, 1985. – Bd. 1. – S. 1-7.
21. Григорьев Е.И. Иллокутивы побуждения и метод выявления их дифференциальных просодических. Монография. – Тамбов, 2007. – 138 с.

УДК 821.10.14

*Коженевска-Берчинска И.
(Варшава, Польша)*

ИНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СЛОВА

Ideas and emotions characteristic for the recent past have a great impact on the present day of man. At the time of perestroika and post-perestroika through words we can see a renaissance of spirituality and a more or less successful return to religious beliefs. This current of inner human needs is destroyed by ruthless market rule and, today, the Russians en masse have forgotten about spiritual dilemmas, giving in to the magic of money.

Key words: ritual public discourse, computer era, Internet, blogosphere, looking for one's own niche, democratic indoctrination, mythologization of reality, renaissance of spirituality, road to the sanctuary, sanctuary-symbol of spirituality, predatory market, Russian democracy, self-identification, existential questions, between the sacred and the profane, unlimited power of money.

Исследование русского языка советской эпохи по понятным причинам было, можно сказать, недоступно на протяжении многих десятилетий, тем более – инокультурным поискам. Публицистический дискурс тех времен имел сугубо ритуальный характер, предлагая имплицитные знания лишь о его создателях и покровителях.

Сегодня мы живем в информационную эпоху, питаемую интернетом и блогосферой. Однако кажется неоправданным отречение от потенциала бумажной публицистики, когда после десятилетий информационной засухи, может быть особенно для нас, иностранных исследователей, советская еще публицистика поздних 80-х по поздние 90-е (и не только!) стала и новооткрытием, но и пульсирующим источником знаний равно о настоящем, как о прошлом. И если тогда слышен был голос порицания, касающийся манкуртизации социума, то также с высот второго десятилетия XXI века, полезно понимать необходимость все-таки беречь память, хотя бы о недавнем прошлом, которое во многом предопределяет поведенческие стандарты дня насущного. Тем более, что прошлое не является таковым для человеческого сознания. Посредством языка выражаются идеи и эмоции уходящих и ушедших поколений, *храня их живое дыхание*. Это дыхание, этот

пульс времени можно прекрасно ощутить, изучая прецедентный для инोकультурного исследователя русский публицистический дискурс. Его семантическая ткань воспринимается изначально как джунгли смыслов. Однако в подобной ситуации активизируются эмоции, живая заинтересованность новым, неизведанным, труднодостижимым. Начинается практически нескончаемый процесс одоления этих джунглей, которому сопутствует радость познания.

В первые перестроечные годы наблюдаются вербальные проявления «застенчивой смелости», но и сугубо хаотические, можно сказать, – беспомощные, поиски возможности отыскать свою нишу. Процветают освобожденные с привязи разномыслие и многословие. Публицисты соревнуются в оригинальности слога и силе безжалостно критического переосмысления советского прошлого. Этот процесс демократической индоктринации сопровождается наивным часто восхвалением монархического периода в жизни России, а также мифологизацией демократического, потом и рыночного мироустройства. Кстати такое положение вполне соответствует пониманию мифа как *особого состояния сознания, исторически и культурно обусловленного* [5: 27; 7].

Следует отметить, что то ли инстинктивно, то ли сознательно, россияне ищут свое признание в ренессансе духовности, которая также начинается со слов. Раздаются исполненные эйфории голоса воодушевленных новой верой-надеждой. Например: *Дожили! С политических трибун зазвучали долгожданные слова: духовный мир, духовная культура, духовность* – Юн 88, нр 96. Проснувшаяся, желаемая духовность ассоциируется с дорогой к Храму, которая есть извечное пространство морального беспокойства и этических выборов. Богатая метафорика храма возникает также благодаря знаменитой кинокартине Абуладзе, *Покаяние*, в которой красной нитью проходит проблематика храма как символа духовности. Продолжение мы находим в нашумевшем эссе И. Клямкина [1]. И хотя обращенность человека в веру-религию, понимаемых как универсальная идея добра извечна, то дорога к Храму, особенно обратна, для многих просто неодолима. Это подтверждается обилием антропонимов-неологизмов, а также неосемантизмов. Примеры: *свеже-, мало-, не-так-верующие, церковные приспособленцы, фундаменталисты, т.е. – жандармы во Христе* [3 (45: 65)].

Публицистический дискурс российского безвременья уведомляет, что в советском человеке (особый вопрос, в каком масштабе) просыпается осознанность духовной ереси, насажденной некогда *воинствующими безбожниками*, просыпается и уверенность в том, что внутреннее личностное возрождение торит дорогу в *общечеловеческую западную цивилизацию* тоже порочную, но все-таки, по убеждению многих, далекую от полного аксиологического релятивизма.

Просыпается уверенность, что *советскость* есть схизма, которая долгие десятилетия провозглашалась как норма, как идеал. Она же взрыхлила почву для актуализации труднейших экзистенциальных вопросов: *кто мы? что делать? Как жить? что с нами происходит?* И рефлексия: *Неизбывная надежда русского человека, из века в век ждущего ответа на вопрос: что делать? Вместе с недоумеваемым толстовским: так что же нам делать?* – ЛГ, 23.7.08. Следует добавить, что тоску по ренессансе духовности выражает хотя бы тиражирование метафорических конструкций типа: *откупоренный вакуум российской духовности, духовное возрождение, духовная пицца, перестройка души, духовное*

раскрепощение, духовная чистота. Бездуховность же ассоциируется для многих в те же девяностые годы с советскостью, и это подтверждается метафорами типа: *духовное убожество, духовный беспредел, духовное разрушение жестокостью*, причем этот сюжет довольно константен: к концу 2008 года обнаруживается в социуме *острая душевная недостаточность (нам чужда боль другого человека)* – АиФ, 5.11.08.

Как обычно, слово обличает истину о человеке и о его тайнах. В данном случае мы осознаем масштабность внутреннего беспокойства, полнейшей духовной растерянности. Именно в подобной ситуации самыми натуральными можно считать попытки вернуться к забытой и оплётанной конфессии. Ощущая в перестроечное время фантомную боль после ее ампутирования, россияне по-разному, но как правило, наощупь, ищут спасение от мертвящего нигилизма в традиции православного вероисповедания. Можно догадываться и о других причинах религиозного бума девяностых; наблюдается следование моде, конъюнктурность, но и внутренняя опустошенность после болезненного расставания с «коммунистической религией». Зависимость от насаждаемой моды на религиозность хорошо определяет часто цитируемый бон мот Ионеско: *Мне кажется, что я верю, не веря, что я верю.* Конъюнктурный «религиозный менталитет» прекрасно определяет В. Шохина, травестируя Достоевского: *Если Бог есть, то все дозволено* – НГ, 11.12.93. И о демократах – конъюнктурщиках: *лицемерно примкнувшие волосатой грудью к лону Церкви* – НГ, 20.2.93.

Суммируя сюжет духовности-религиозности, полезно сослаться на слова атеистки, Р.Казаковой: *Не надоор Боге на всех перекрестках. Не надо к Богу, как прежде к коммунизму – хором и в ногу* – Гол 93, нр 4. В унисон звучат голоса о толерантности, провозглашаемой вдруг как сверхценность: *Во что бы мы ни верили (...), куда священнее правило общежития: уважение друг к другу. Ни одной группе верующих не отнимать храм у других* – Ех, 10.2.93.

Проникнутые смирением и растерянностью поиски дороги к с в о е м у храму, проходящие в первые перестроечные годы, становятся со временем лишними. Духовный ренессанс и не поспевает, и не вписывается в хищническую «рыночную мораль». Рыночный эксперимент проходит в ауре обильной мифологизации, а новые надежды оказываются неоправданными, что выражаются нетривиально оксиморонами: *центрально регулируемая рыночная экономика* – Ог 89, нр 50; *планово-рыночная экономика* – Иск кино 1990, нр 8; *социально регулируемый рынок* – Журн 91, нр 3.

Итак, *светлое рыночное будущее* озаряет лишь избранных. Фантомы и призраки заменены ужасающей для т.н. массового человека реальностью. Рыночная голгофа российского человека, не-бизнесмена, определяется такими, например, контекстами: *рыночная мафиозно-тусовочная конъюнктура* – НГ, 16.1.93; *золотушный рынок* – НГ, 20.4.93, перифрастическое восклицание: *Этот стон у нас рынком зовется!* – МН, 15.5.93, а как аккорд констатация Д.Медведева: *Наша теперешняя экономика переняла у советской самый тяжелый порок – она в значительной степени игнорирует потребности человека* – АиФ 09, нр 38.

Демократия; для русских слово-лозунг, слово-отмычка. В конце 1991 года господствует уверенность в *безальтернативном статусе мирного демократического развития страны*. Подчеркивается, особенно претендующими на власть, *необратимость демократических процессов*, а также *обязанность защищать демократию*. В те годы – это

не столько расхожий лозунг, сколько олицетворение народных чаяний и надежд, без которых отмирает душа, также коллективная. Лексика, которую используют публицисты, продолжает выступать в магической функции: слова умоляют, заглушают и камуфлируют факты, заодно мифологизируя действительность, а также определяя новые границы табу. «демократический лексико-семантический набор средств выражения» выявляет разнообразие видения и понимания действительности. Есть и попытки рационально обосновать системные меандры, есть экскурсы в поисках мировых аналогий происходящему землетрясению, есть желание осмыслить российскую демократию с приведением советских мифологем ит.п., ит.д. Несколько экземплификаций иронического и метафорического характера: *самая передовая демократия мира* – НГ, 10.4.94; *демократическое безвременье* – МН, 30.8.94; *мимикрия псевдодемократии* – АиФ, 20.10.94. И более широкие контексты: *В демократических странах, которые служат нам эталоном, власть обязана соблюдать законы (...) то, чего в России не было, нет и не будет* – МН, 15.4.94; *Не получается пока нормальный переход от чудовищного тоталитарного ленинско-сталинско-брежневского государства к нормальному демократическому обществу* – НГ, 3.2.94. И чувство отчуждения выражено перифрастически: *У нас сейчас эксперимент по строительству капитализма в одной отдельно взятой, забытой на обочине, стране* – Пр, 11.2.94. Или: *Мы находимся в демократическом раже* – Современ. драм. 1998, нр 3. Наблюдаются также ростки националистической картины мира: *Государственный строй России должен быть основан на ментальности нации (...). К чужому, даже самому замечательному опыту, нуно относиться критически* – ЛГ, 17.6.95.

Знаки разочарованности и безверья мы находим, анализируя одно из многочисленных высказываний инвективно-страдальческого характера: *В конце всех революций к власти приходит сволочь, которая отличается специфическим способом поведения: обычно она не идет ни вперед, ни назад, но как бы ползает. Ползая же, она имеет склонность менять направление своего движения; она может обогнать будущее, сдавить его в крепких объятиях, и уползти обратно в прошлое* – ЛГ, 14.8.99. И еще одна из адекватных, как можно судить, оценок рыночного миропорядка: *Под влиянием безудержной гонки за богатством (...) порвалась нить национальной солидарности, исчез общий гражданский интерес, разошлись по разным иконостасам духовные ценности. Каждый живет, молится, и мечтает по-своему: власть, бизнес, чиновничество, народ* – АиФ, 5.11.09.

Постоянность внутреннего метания человека, оказавшегося в вакууме, заставляет продолжать труднейшие поиски самоидентификации. После фестиваля восхвалений западного миропорядка, в начале XXI века можно заметить поиски ответа на труднейший вопрос: *кто мы?*! Одно из характерных мнений: *Российская цивилизация имеет европейские и азиатские черты. По культуре она, бесспорно, европейская, а по своему обществу, традиционному, архаическому – азиатская с резкой социальной поляризацией, пассивностью населения, ролью государства* – ЛГ, 2008, нр 30. Полезно помнить, что находясь на пути к неизведанному, свободный человек вынужден, однако, совершать труднейшие выборы. С его «освобожденной свободой» связаны два извечных вопроса: свобода от чего, и для чего? [6]. Кстати, эту дилемму объясняется часто российскими публицистами с привлечением мнения Маккиавелли: *Развращенному народу, обретенную свободу, крайне трудно остаться свободным* – НГ, 30.4.94. Не менее четкое современное философское

суждение М. Мамардашвили: *Нельзя человека освободить извне. Люди отпущены на свободу лишь вольноотпущенники* – МН, 1.5.94. Именно вольноотпущенники не могут найти свою нишу, свои кисельные берега, свой город Китеж, а выбор у тех, кто оказался в дырявой лодке небольшой. Можно лишь спастись или тонуть. В первом случае надо вычерпывать воду, а это трудно. Во втором, чтобы долго не мучиться – раскатать утлое судно, пока оно не перевернется – АиФ, 9.9.98.

Неимоверное разнообразие сюжетов, а значит и языковых средств не только описания, но и оценки сложнейшей действительности, требует отдельных монографических трудов, которых и в польском научном мире – немало. Узкие рамки данного высказывания не позволяют провести концептуализацию отобранного материала, который заключает в себе фрагменты ментального лексикона – отражения ментальных репрезентаций. Тем не менее, попытаемся как-то резюмировать вышепредставленные рассуждения.

- В русском публицистическом дискурсе прошлых лет повсеместно применяется концепт *миф* как классификатор не только советского, но и нового мироустройства. Кстати, он, действительно есть испробованный инструментарий равно обличения, как и возвеличивания [5; 7] .
- Сегодня уже неактуальна жажда постичь духовность отображена в наличии новых словосочетаний и фразеологизмов, обычно метафорического характера, о чем подробно говорится в другом месте [4] .
- После внедрения рыночной экономики россияне опять переживают убежденность в существовании единственно правильного, на этот раз – рыночного, учения. Со временем, избилующим «неприглядными» событиями, исчезает вера, что *жизнь станет лучше, жизнь станет веселей*.
- «Синдром несвершений» приводит т.н. массового человека к шоковому состоянию. Созревает уверенность в необходимости одолеть труднейший , самостоятельный путь к своей, к личной Итаке.
- Каким-то странным образом духовно-религиозные поиски смысла жизни уживаются в российском менталитете с агрессивностью, подспудным апофеозом насилия и культивированием нетолерантности.
- В национальном менталитете наступили, пожалуй, некоторые сдвиги; проснулась уверенность во многоликости мира, возникает осознание, что единица вовсе не ноль, и вовсе не вздор. Однако по большому счету, новая ситуация открывает еще один извилистый путь беспомощных поисков своей личной правды, а также своего места под солнцем в жестоких капиталистических условиях.
- Отпущен на свободу советский человек оказался очередной раз посреди крайностей. Он переживает распятие между очарованием вновь открытым сакрум и пленением мощными силами безжалостного рыночного профанум, которое плавно переходит в абсолютную власть денежного мешка.

ЛИТЕРАТУРА

1. И. Клямкин, *Какая улица ведет к храму?* «Новый мир» 1989, нр 2.
2. И. Коженевска-Берчинска, *Новации в языковой картине мира российского человека. На основе современных публицистических текстов.* Olsztyn 1996.

3. И. Коженевска-Берчинска, Образ человека в континууме публицистики. Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, Olsztyn 2001.
4. И. Коженевска-Берчинска, Когнитивные потенции новых словосочетаний и фразеологизмов. „Acta Polono-Ruthenica” XIV, 2009 rok, с. 415-421.
5. В.П. Руднев, Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. Изд. АГРАФ, Москва 1999.
6. Э. Фромм, Бегство от свободы. Прогресс, Москва 1990.
7. М. Элиаде, Сакрум. Миф. История. Прогресс, Москва 2000.

Принятые сокращения.

АиФ «Аргументы и факты»

Гол «Голос»

Журн «Журнал»

ЛГ «Литературная газета»

МН «Московские новости»

НГ «Независимая газета»

Ог «Огонек»

Пр «Правда»

Соврем. Драм. «Современная драматургия»

Ех „Megapolis Express”

УДК 811.161.1:81'373.21

Шокотько Л.Е.
(Донецк, Украина)

СОЮЗНЫЕ ФУНКЦИИ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье анализируются союзные функции усилительных частиц в языке древнерусской литературы. Описаны особенности употребления союзов в сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях.

Ключевые слова: *частица, усилительное значение, союзная функция, сложное предложение.*

У статті аналізуються сполучникові функції підсилюючих часток у мові давньоруської, описуються особливості вживання сполучників в складносурядних та складнопідрядних реченнях.

Ключові слова: *частка, підсилююче значення, сполучникова функція, складне речення.*

The conjunction functions of intensified particles in the language of the Old Russian literature are analyzed. The peculiarities of application of conjunctions in the compound and complex sentences are described.

Key words: *particle, intensified meaning, conjunction function, complex sentence.*